

ISSN 1811-038X

МИР

3-2012

РОССИИ

UNIVERSE
OF RUSSIA

СОЦИОЛОГИЯ
ЭТНОЛОГИЯ

ТОМ XXXI

МИР РОССИИ Universe of Russia

СОЦИОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ

Том XXI

№3, 2012

Издается с 1992 г.

Выходит 4 раза в год

Читайте в номере

*СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ
И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ*

А.Г. Вишнеvский.....3
Россия: демографические итоги двух десятилетий

*ОБЩЕСТВО XXI ВЕКА –
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ*

Культурные факторы модернизационной политики или культурные особенности России – «за» и «против» модернизации (материалы Диспут-клуба).....41

П.А. Ореховский.....65
Роль страха в экономическом поведении в настоящее время и после полной победы демократии

И.П. Попова.....80
Профессионализация через социальное предпринимательство: создание новых компетенций в сфере театральной педагогики

*SOCIAL REALITIES
AND SOCIAL PROSPECTS*

A. Vishnevsky.....3
Russia: Demographic Results of the Two Post-Soviet Decades

*SOCIETY OF THE XXI CENTURY –
A SOCIOLOGICAL DIMENSION*

Cultural Factors of Modernization Politics and Particular Russian Culture: Pros and Cons to Modernization (Debate club materials).....41

P. Orekhovskiy.....65
The Role of Fear in Economic Behavior Today and after the Triumph of Democracy

I. Popova.....80
Professionalization Through Social Entrepreneurship: the Forming of New Competence in Theatrical Pedagogy

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Россия: демографические итоги двух десятилетий*

А.Г. ВИШНЕВСКИЙ

Современное демографическое неблагополучие России имеет долгую историю. Даже если оставить в стороне демографические катастрофы первой половины XX в., явное ухудшение ситуации просматривается с середины 1960-х годов. После распада СССР Россия получила тяжелое демографическое наследие. Требовались очень серьезные и продуманные меры для того, чтобы переломить давние неблагоприятные тенденции и ответить на новые вызовы, перед которыми оказалась Россия. Анализ демографических итогов истекшего двадцатилетия показывает, что, несмотря на отдельные позитивные подвижки, коренного перелома достичь не удалось, а новые вызовы до сих пор в полной мере не осознаны. К числу устойчивых позитивных тенденций относятся снижение младенческой смертности и сокращение числа аборт, но список подобных достижений будет небольшим. Двадцатилетняя динамика главных демографических процессов – рождаемости, смертности и миграции – характеризуется колебаниями, которые пока не позволяют говорить о необратимом выходе на желаемые траектории развития.

Ключевые слова: демографическая ситуация, рождаемость, смертность, ожидаемая продолжительность жизни, естественный прирост, естественная убыль, миграция

Численность населения

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., численность постоянного населения Российской Федерации составила 142,9 млн человек.

Как сообщается в официальной информации Росстата «Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года», Российская Федерация занимает восьмое место в мире по численности населения. В действительности это не так. В 2010 г. Россия по численности населения занимала предпоследнее, девятое место в первой десятке стран мира, на долю которых приходится более 4 млрд чел., или около 60% мирового населения. В эту десятку входят Китай (1341 млн чел.), Индия (1225 млн чел.), США (310 млн чел.), Индонезия (240 млн чел.), Бразилия (195 млн чел.), Пакистан (174 млн чел.), Нигерия (158 млн чел.), Бангладеш (149 млн чел.), Россия (143 млн чел.), Япония (127 млн чел.) [United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division 2011].

* Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 году.

По сравнению с переписью 2002 г. численность населения России уменьшилась на 2,3 млн человек. В целом же население страны убывает с 1993 г., когда число постоянных жителей России достигло своей наибольшей величины – 148,6 млн человек.

В 2009 г., впервые за длительный период после 1995 г., был зарегистрирован незначительный прирост населения (на 0,01%). Прирост населения отмечен и в 2011 г., однако он связан с изменением правил учета миграции (см. ниже). По оценке на начало 2011 г. население России составило 143 млн человек. Таким образом, если данные переписи населения 2010 г. верны, за весь период убыли населения с 1993 г. по 2011 г. число россиян сократилось на 5,5 млн человек.

Компоненты изменений численности населения России

Главная причина идущего с 1993 г. сокращения численности населения России – его естественная убыль, т.е. превышение числа смертей над числом рождений. Впервые она была зарегистрирована в 1992 г., а к началу 2011 г. совокупная естественная убыль за весь период составила 13,2 млн человек.

В прошлом естественный прирост всегда играл роль главного компонента, обеспечивавшего рост населения России, с середины 1970-х гг. определенный вклад в этот рост вносил и миграционный прирост за счет положительного сальдо миграции между Россией и республиками бывшего СССР. Однако во второй половине 1980-х гг. естественный прирост населения быстро сокращался, к началу 1990-х гг. сошел на нет и в 1992 г. сменился естественной убылью, в то время как положительное сальдо миграции сильно выросло. Сокращение численности населения за 1993–2010 гг. на 5,5 млн чел. при естественной убыли 13,2 млн означает, что на 58% (на 7,7 млн чел.) эта убыль была компенсирована миграционным приростом. Как правило, эта компенсация была лишь частичной, исключение составили, как упоминалось, только 2009 г. и 2011 г., когда миграционный прирост превышал естественную убыль населения.

Хотя резкое сокращение естественного прироста населения произошло только в конце 1980-х гг., оно не стало неожиданностью. Прогнозы советского времени предсказывали появление естественной убыли населения России в начале XXI в., на деле это произошло на 10 лет раньше, в начале 1990-х гг., что может быть объяснено как влиянием социально-экономического кризиса тех лет, так и избыточным оптимизмом советских прогнозов. В любом случае, естественная убыль населения России – не случайность, она обусловлена тем режимом воспроизводства населения с низкими уровнями смертности и рождаемости, который сложился в России уже в 1960-е гг. Если в течение некоторого времени естественный прирост еще оставался относительно высоким, то в основном благодаря особенностям возрастной структуры населения, в которой был «накоплен» определенный потенциал демографического роста. Но по мере исчерпания этого потенциала соотношение числа рождений и смертей становилось все менее благоприятным, что и привело, в конечном счете, к появлению «русского креста» – кривые рождаемости и смертности пересеклись, число смертей превысило число рождений, естественный прирост населения сменился его естественной убылью.

Естественный прирост (убыль) населения зависит от трех факторов: рождаемости, смертности и возрастной структуры населения. Если на два первые фактора можно как-то влиять с помощью тех или иных мер политики (хотя и это – весьма не просто), то третий фактор практически не поддается никакому воздействию. Нынешняя возрастная структура населения России, а в значительной степени и его возрастная структура, на ближайшие десятилетия уже predetermined, и существенно изменить ее невозможно.

Так как формирование современного возрастного состава населения России в прошлом происходило под влиянием целого ряда пертурбационных факторов, российская возрастная пирамида сильно деформирована, вследствие чего динамика различных половозрастных контингентов имеет нерегулярный, волнообразный характер, «выгодные» с демографической и социально-экономической точек зрения волны сменяются «невыгодными».

В «нулевые» годы, несмотря на продолжавшуюся убыль населения, изменения половозрастного состава проходили через «выгодную» фазу, страна получала своеобразный «демографический дивиденд», в этот период совпали два упомянутых выше демографически выгодных структурных сдвига.

Первый из них был обусловлен увеличением числа рождений в 1980-е гг., который объясняет рост числа женщин репродуктивных возрастов в 1990-е. Число женщин в возрасте от 15 до 50 лет выросло с 36,3 млн в 1992 г. до 40 млн в 2002–2003 гг., после чего оно чуть-чуть сократилось, все еще оставаясь очень высоким, более высоким, чем когда-либо в прошлом. Если же взять более узкий диапазон возрастов, вносящих основной вклад в рождаемость, то число женщин в наиболее важных репродуктивных возрастах от 18 до 35 лет между 1999 г. и 2009 г. выросло более чем на 2 млн, что не могло не внести своего вклада в рост числа рождений, наблюдавшийся после 1999 года. Но сейчас рост этой группы женщин в целом уже прекратился и, согласно прогнозу Росстата, нас ожидает ее огромное падение – на 4,7 млн чел. до 2020 г. и более чем на 7 млн до 2025 года. Несколько более благоприятна динамика числа женщин в возрасте 25–34 года – эта возрастная группа приобретает все большее значение в связи с происходящим сдвигом рождений в более поздние возраста. Однако и ее численность будет быстро падать, хотя пока она еще увеличивается, что немного сдерживает падение числа рождений (рисунки 1а).

Второй сдвиг был связан с тем, что, начиная с 2001 г., 60-летний рубеж переходили малочисленные поколения 1941 г. и последующих военных лет рождения, вследствие чего число людей в возрасте 60 лет и старше между 2001 г. и 2006 г. сократилось на 10%. А это, в свою очередь, тормозило рост количества смертей, так как основная масса смертей всегда приходится на пожилые возраста. Но этот период закончился, и теперь число пожилых людей и их доля в населении будут быстро увеличиваться и очень скоро достигнут небывалых для России значений (рисунки 1б). Соответственно будет расти и число смертей – даже в том случае, если возрастные интенсивности смертности будут снижаться, хотя оснований для больших ожиданий пока нет. Но если такое снижение даже и произойдет, оно затронет, в основном, не старшие возрастные группы.

В условиях, когда число рождений сокращается, а число смертей увеличивается, сближение этих чисел невозможно. Напротив, они будут расходиться, тем самым снова увеличивая сократившийся было разрыв «русского креста» (рисунки 2).

Сейчас этот разрыв действительно сокращается, естественная убыль населения, главным образом, в силу структурных особенностей российской возрастной пирамиды быстро уменьшается, и кажется, что в России восстановится естественный прирост населения. Эту динамику часто интерпретируют как успешный результат проводимой в стране демографической политики и рассматривают ее как устойчивую позитивную тенденцию, которая в скором времени приведет к возвращению от отрицательного прироста населения к нулевому, а то и положительному¹.

¹ «Естественная убыль населения, хотя и сохраняется, но нарастать не будет. Прогресс в этом показателе очень значительный. Если в 1999 г. убыль составила почти 930 тыс. чел., то в 2007 г. – 470 тыс., в 2008 г. – 362 тыс., в 2009 г. – менее 250 тыс. человек... Сокращение численности населения остановлено. Естественная убыль будет сокращаться и дальше. Главная причина этого – проведение в рамках приоритетного национального проекта «Здоровье» активных программ по снижению смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, основной причины смертности населения» [Уроки демографии 2010].

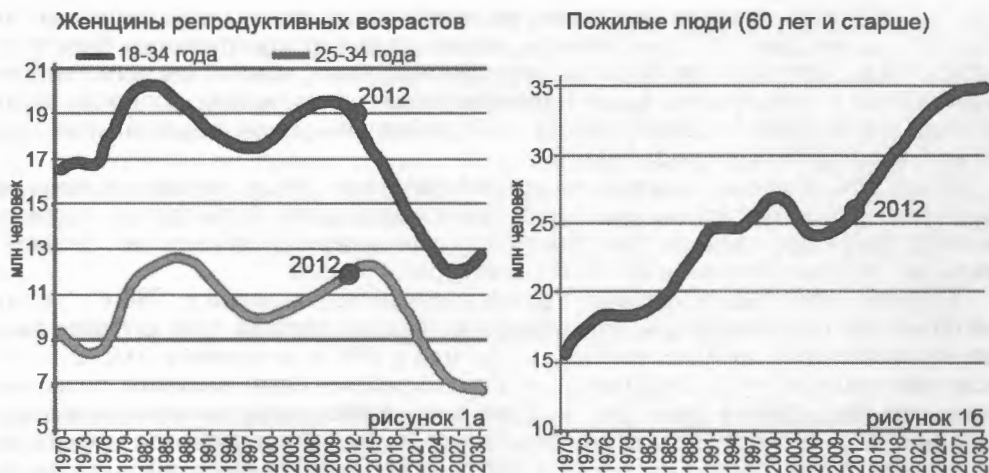

Рисунок 1. Число женщин в возрасте 18–34 и 25–34 года и пожилых людей – фактическое и по среднему варианту прогноза Росстата, 1970–2030 гг.

Источник: [Демографический прогноз до 2030 года].

Рисунок 2. Число родившихся и умерших в России – фактическое в 1960–2010 гг. и по высокому и среднему вариантам прогноза Росстата, тыс.

Источник: [Демографический ежегодник России 2009, таблица 8.5].

На самом деле подобное развитие событий крайне маловероятно. Все прогнозы предсказывают, что в ближайшие годы естественная убыль населения снова начнет нарастать. Роста естественной убыли не удастся избежать даже согласно

наиболее оптимистическому варианту официального прогноза Росстата, но так как самые оптимистические прогнозы оправдываются редко, то более вероятным, в лучшем случае, представляется средний вариант. Согласно этому варианту, естественная убыль населения России уже в начале следующего десятилетия превысит 500 тыс. чел. в год и будет продолжать увеличиваться.

Сохранение и даже нарастание естественной убыли населения России, превращающееся в долговременную, если не постоянную тенденцию, не могут не вызывать беспокойства в обществе и не вести к поиску политических ответов на эту исторически совершенно новую ситуацию. Убыль населения случалась и в прошлом, но обычно была связана с острыми социальными или природными (иногда с теми и другими одновременно) катаклизмами. Естественная же убыль населения в относительно благополучное мирное время – явление для истории необычное. Как отмечалось выше, на динамику естественного прироста в России сильное влияние оказывают особенности сложившейся к настоящему времени возрастной структуры ее населения, но все же решающую роль играют фундаментальные демографические процессы – рождаемость и смертность.

Соответственно, постоянно возникает вопрос, в какой мере эти процессы поддаются целенаправленному воздействию со стороны общества, какие усилия могут и должны предпринять правительство или другие общественные институты или структуры, чтобы изменить ситуацию, насколько эффективными могут быть такие усилия. В той или иной степени эти вопросы поднимались в России на протяжении двух последних десятилетий, не раз принимались различные правительственные документы, делались довольно громкие заявления, в том числе и об успехах тех или иных политических мер. В нашу задачу входит не столько анализ разного рода решений, заявлений и мер, сколько оценка достигнутых результатов, хода демографических процессов как зависящих, так и не зависящих от политических усилий.

Рождаемость

В российском общественном мнении (даже в специальной демографической и околодемографической литературе) широко распространено представление об очень сильном падении рождаемости в России в 1990-е гг. и его значительном росте в «нулевые» годы XXI века. И то, и другое, по меньшей мере, не вполне верно.

Действительно, за 20 лет – с 1991 г. по 2010 г. – в России родилось 29,3 млн детей – на треть (или на 15 млн) меньше, чем за предшествующие два десятилетия. Велик соблазн отнести это падение на экономические и политические неурядицы 1990-х гг., на болезненные реформы и т.п., и, наверно, события последних 20 лет и в самом деле не прошли без следа для рождаемости. Но все же эту конъюнктурную составляющую падения числа рождений не следует переоценивать.

Годовые числа рождений падают в России давно: здесь, как и везде, снижение рождаемости определяется общей логикой демографического перехода, конъюнктурные же факторы порождают лишь нарушение регулярности этого эволюционного процесса.

Кроме того, следует учитывать, что в силу особенностей исторического развития России в XX в. числа рождений испытывали значительные колебания. Кривая же текущего абсолютного числа рождающихся в стране детей с неизбежностью повторяет, пусть и с определенной приближенностью, кривую числа рождений поколений родителей, так что на числе рождений сказываются колебания в численности поколений, возникшие в прошлом, иногда довольно отдаленном. Как ни велико падение числа рождений между 1986 г. и 1999 г., оно в основном лишь повторяет столь же крутое его падение между 1954 г. и 1968 г., когда появлялись на свет будущие родители детей 1990-х годов. В свою очередь сокращение числа

рождений после 1954 г. – это эхо его падения, начавшегося за 25 лет до этого, в 1929 году. Точку минимума 1968 г. (1,82 млн рождений) также отделяет от предыдущей точки минимума 1943 г. (1,08 млн) период в 25 лет (рисунок 3).

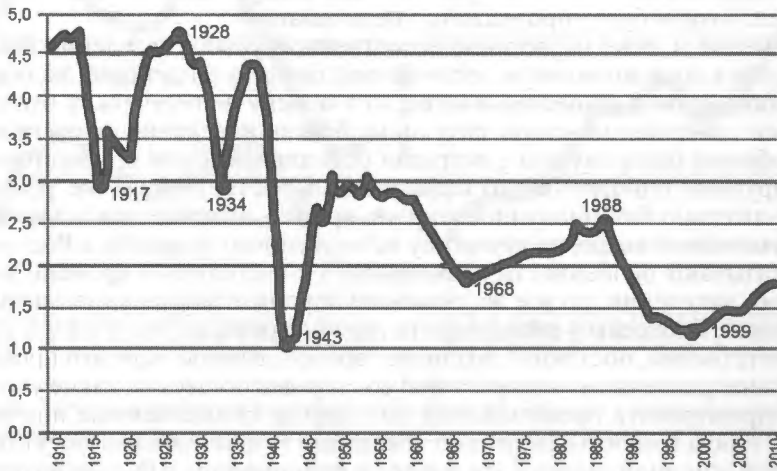

Рисунок 3. Число рождений в России в 1910–2010 гг., млн чел.

Источники: [Население России за 100 лет (1897–1997), с. 84–85; Андреев, Дарский, Харькова 1998, с. 161–162; Демографический ежегодник России 2010, таблица 68; База данных Росстата <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography/#>].

В целом колебания численности поколений детей повторяют колебания численности поколений их родителей и в то же время предсказывают колебания численности поколений их собственных детей. Начиная с поколений, родившихся в середине XX в., соотношение численностей родительских и детских поколений (условно разделенных периодом в 26 лет) приобрело определенную устойчивость: поколения родителей воспроизводились в поколениях детей примерно на 70–75%, что отражало общую тенденцию к снижению рождаемости. Эта устойчивость нарушилась лишь однажды, во второй половине 1980-х гг., когда конъюнктурные показатели рождаемости повысились под влиянием проводившейся тогда пронаталистской политики и соотношение дети/родители ненадолго превысило 90%. Интересно отметить, что, несмотря на широко разрекламированные меры 2007 г., когда, в частности, был введен «материнский капитал», они не привели к подобному эффекту, число рождений увеличивается, примерно следуя увеличению численности родительских поколений, соотношение дети/родители практически не меняется. В 2010 г. оно составило 74%, т.е. было таким же как в 1978 г., 1993 г., 1995 г. или 2008 году.

Сейчас при сохранении такого или близкого к нему соотношения число рождений растет, следуя за ростом числа потенциальных родителей. У Министерства здравоохранения и социального развития есть возможность отмечать позитивные тенденции и ставить их себе в заслугу, что оно и делает. Как отмечается на сайте Минздравсоцразвития, «только активные действия властей всех уровней по реализации принятой в 2007 году Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года позволили коренным образом улучшить ситуацию с рождаемостью. За 2007–2009 гг. (за 3 года) коэффициент рождаемости вырос

на 2 пункта (с 10,4 до 12,4). Это равно приросту коэффициента за предыдущие 7 лет (с 1999 по 2006 годы). В 1999 г. в России родились 1215 тыс. детей, в 2009 г. – 1760 тыс. Разница огромная. По расчетам ученых естественные причины дали за последние три года лишь 15% роста рождаемости, остальные 85% роста дали меры государственного воздействия на демографическую ситуацию» [Уроки демографии 2010].

Этот комментарий едва ли соответствует фактам. Если не считать 2007 г., первого года, когда были введены новые пронаталистские меры, темпы роста числа родившихся после их введения были примерно такими же как и до этого, уже в 2010 г. они оказались минимальными за весь период, за исключением провального 2005 г., а в 2011 г. почти сошли на нет (рисунк 4). Прирост числа рождений за первые 5 лет периода (2000–2004 гг.) составил 288 тыс., за последние 5 лет (2006–2010 гг.) – 332 тыс., т.е. был несколько выше за счет рекордного 2007 г., разница достаточно заметная (15%), но не принципиальная. Разницу в числе рождений между 2009 г. и 1999 г. – 545 тыс. – можно считать «огромной», но на период с 2007 г. из нее приходится только 280 тыс., остальные 265 тыс. были получены ранее. При этом известно, что рост числа потенциальных родителей заканчивается, соответственно вполне предсказуема и дальнейшая динамика числа рождений: оно неизбежно начнет сокращаться. Можно ли как-либо предотвратить или хотя бы затормозить это сокращение?

Рисунок 4. Годовые приросты числа родившихся (%) и общего коэффициента рождаемости (пункты промилле)

Источник: [Демографический ежегодник России 2010; База данных Росстата <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography/#>].

Хотя, как отмечалось ранее, числа рождений сильно зависят от численности родившихся ранее поколений, но решающая роль все же принадлежит прокреативному поведению людей, именно оно предопределяет интенсивность деторождения, т.е. среднее число рождений в расчете на одну женщину каждого поколения. Повлиять на возрастную структуру населения почти невозможно, поэтому изменение в желаемом направлении ситуации с рождаемостью мерами демографической политики обычно связывают с воздействием на прокреативное поведение, а через него – на интенсивность деторождения. Неслучайно, именно поэтому интенсивность деторождения при-

влекает внимание и политиков, и аналитиков. Оказывается, однако, что сама оценка интенсивности деторождения представляет собой далеко не простую задачу.

Сейчас и аналитики, и политики широко используют в этих целях так называемый «коэффициент суммарной рождаемости» (КСР). В последние годы этот показатель демонстрирует заметный рост, с 1999 г. по 2010 г. он вырос на 0,4 ребенка в расчете на одну женщину, или более чем на треть. Тем не менее, даже в 2010 г. этому показателю (1,57) было далеко до минимального показателя советских лет (1,89 в 1980 г. и 1990 г.), а сейчас его рост явно выдыхается.

Однако проблема заключается в том, что аналитические возможности КСР ограничены: он относится к так называемому «условному поколению», неплохо работает, когда в демографическом поведении людей не происходит быстрых изменений, но дает искаженное представление об уровне рождаемости и его динамике, когда это поведение резко меняется, что и наблюдается в России на протяжении последних 20 лет. Он не раз подвергался критике в специальной литературе².

Главный недостаток КСР заключается в том, что он не позволяет учесть так называемых «тайминговых изменений» или особенностей «календаря» рождений разных поколений женщин. КСР в данном году может снизиться или повыситься не по тому, что женщины стали рожать меньше или больше детей, а по тому, что при прежнем количестве детей изменилось «расписание», «календарь» их появления на свет. По сути, этот показатель отражает лишь текущую конъюнктуру формирования возрастной рождаемости, тогда как прокреативный итог каждого женского поколения формируется на протяжении 25–30 лет, а за это время конъюнктура может несколько раз измениться³.

Для того чтобы хотя бы частично преодолеть зависимость КСР от тайминговых изменений, были предложены различные варианты корректировки показателя, позволяющие элиминировать влияние «календаря» рождений. Если воспользоваться одним из таких показателей (так называемый «скорректированный» (adjusted) КСР, рассчитанный по методу Бонгаартса-Фини) и сравнить его с классическим КСР, то можно видеть, что в случае России эти показатели почти никогда не совпадали, но расхождение приобрело особенно большие масштабы после 1990 года. Скорректированный КСР указывает на то, что традиционный показатель, не учитывающий сдвиг «календаря» рождений, преувеличивает как падение рождаемости в 1990-е гг., так и его рост в 2000-е (рисунком 5).

Чтобы понять природу подобных различий и низкую информативность коэффициента суммарной рождаемости для условного поколения в современной российской ситуации (но подобная ситуация часто встречается и в других странах), необходимо рассмотреть типичное поведение этого показателя при существенных изменениях возрастной модели рождаемости.

Если проследить, как это сделано в *таблице 3*, прокреативную судьбу поколений россиянок 1961–1965 годов рождения (диагональ в *таблице 3*), то можно увидеть, что, имея один из самых высоких уровней рождаемости в возрасте 20–24 года среди пятилетних групп поколений, родившихся с конца 1930-х гг., они внесли заметный вклад в повышение КСР 1985 года. Но, перейдя в следующую возрастную группу, они стали быстро терять свои преимущества по сравнению с поколениями, проходившими через соответствующие возрасты в 1980 г.: 466 вместо 504 на 1000 женщин в возрасте 25–29 лет, 148 вместо 260 в возрасте 30–34 года и т.д. Неудивительно, что прокреативный итог этой группы поколений оказался достаточно скромным: 1,72 рождения на 1 женщину (сумма по диагонали, деленная на 1000). Примерно то же самое происходило и с соседними поколениями.

² См., напр.: [Соботка, Лутц 2011, с. 464–471].

³ Неслучайно французские демографы давно уже отказались от термина «коэффициент суммарной рождаемости» (буквальный перевод английского «total fertility rate»), в пользу более точного «конъюнктурный индикатор рождаемости» («indicateur conjoncturel de fécondité»)

В результате, вопреки широко распространенному представлению об успехах советской демографической политики 1980-х гг., остановить снижение рождаемости не удалось, воздействию поддался только «календарь» рождений, о чем уже неоднократно писалось⁴. Меры демографической политики сильно «омолодили» рождаемость тех поколений, которые проходили в эти годы через молодые возраста, и это привело к повышению КСР календарного периода, но отнюдь не к росту итогового числа рождений в этих поколениях (таблица 4).

Таблица 4. Итоговая рождаемость поколений женщин России, поколения 1941–1965 гг.

Поколения	Возрастные коэффициенты рождаемости (на 1000)							Итоговая рождаемость (на 1 женщину)
	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45+	
1941–1945	134	752	548	291	87	18	1	1,83
1946–1950	124	763	540	260	116	21	1	1,82
1951–1955	149	794	504	299	97	11	1	1,85
1956–1960	173	789	567	241	53	12	1	1,83
1961–1965	219	818	466	148	59	15	2	1,72
1966–1970	234	783	333	175	89	30	2	1,64

Схема повышения коэффициента суммарной рождаемости в «нулевые» годы была иной, оно было достигнуто за счет того, что многие женщины реализовали отложенные ранее рождения в более поздних возрастах. Скажем, «средняя» женщина из поколения, родившегося в 1974 г., проходя через возраста до 25 лет, которые пришлось у этого поколения на начало и середину 1990-х гг., родила намного меньше детей, чем родила в этих возрастах женщина из поколения 1969 года рождения. Но потом она почти все наверстала в «нулевые» годы, когда ей было 25–29 или 30–34 года. Это и дало подъем рождаемости «нулевых» годов.

Кажется очевидным, что этот сдвиг рождений к старшим возрастам стал следствием, с одной стороны, трудностей 1990-х гг., когда молодые женщины были вынуждены откладывать рождения, а с другой, введения «материнского капитала» и общей активизации пронаталистской демографической политики во второй половине «нулевых» годов.

Принять это кажущееся очевидным объяснение мешают то, что оно не позволяет ответить на два вопроса:

а) почему рост коэффициента суммарной рождаемости начался за 7 лет до введения «материнского капитала», которое не изменило существовавшую до этого тенденцию, а лишь внесло в нее недолговременное возмущение (рисунки 4)?

б) почему введение «материнского капитала» совершенно не повлияло на поведение женщин в возрасте до 25 лет, рождаемость у которых в 2010 г. была даже ниже, чем в 1999 г. (таблица 5)?

⁴ См., напр.: [Захаров 2006].

Таблица 5. Возрастные коэффициенты рождаемости в 1990 г., 1999 г. и 2010 г., на 1000 женщин соответствующего возраста

Год	Возраст							КСР
	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	
1990	55,0	156,5	93,1	48,2	19,4	4,2	0,1	1,88
1999	28,9	91,8	63,7	32,2	11,1	2,2	0,1	1,15
2010	28,5	88,8	96,3	67,5	30,2	5,9	0,3	1,59

На рисунке 6 показано накопленное число рождений к возрасту 25 лет в 40 одногодичных поколениях россиянок. Максимальным оно было у поколения 1965 года. Рост этого числа – прямой эффект политики 1980-х гг., в середине которых женщины, родившиеся в 1965 г., достигли своего 20-летия. Но ничего подобного не наблюдается у женщин, родившихся в 1980-е гг. и пересекавшие 25-летний рубеж в «нулевые» годы: к 25 годам накопленное число рождений у них было необыкновенно низким.

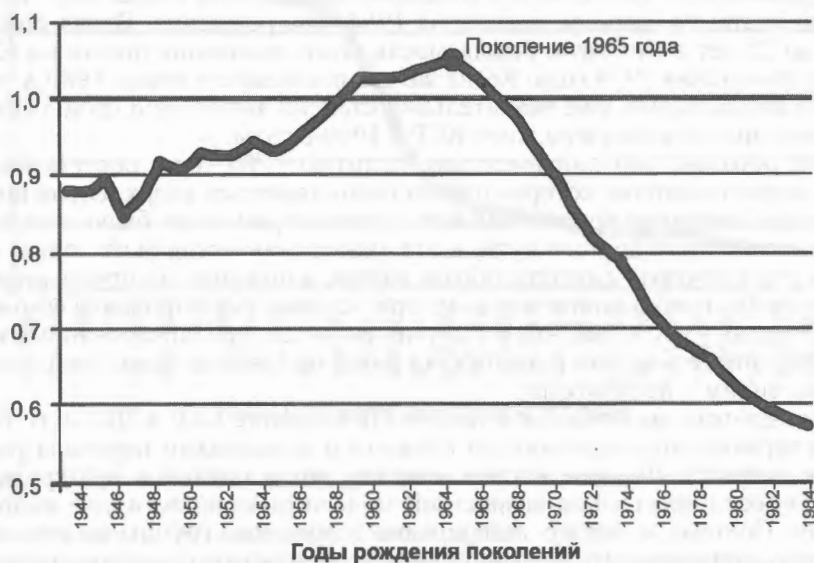

Рисунок 6. Накопленное число рождений к возрасту 25 лет в среднем на одну женщину в женских поколениях 1944–1984 годов

Источник: [Human Fertility Database 2011].

Почему молодые женщины не откликнулись на «материнский капитал»? Ведь в то же самое время у женщин в возрасте 25–29 лет рождаемость по сравнению с 1999 г. увеличилась в полтора раза, а в возрасте 30–34 года – более чем в два (таблица 5). Возможно, младшие материнские поколения просто ждут своего часа, достижения более поздних возрастов? А «материнский капитал» здесь не при чем, «наверстывание» отложенных рождений женщинами в возрасте 25 лет и старше

– вообще неспецифический российский феномен «нулевых» годов? Вполне вероятно, что он обусловлен, прежде всего, общими для многих стран эволюционными изменениями возрастной кривой рождаемости.

В процессе демографического перехода «расписание» массового прокреативного поведения в очень многих странах претерпело два крупных противоположно направленных изменения. Первое из них выражалось в том, что женщины, в среднем, прекращали процесс прокреации все раньше и раньше, в результате чего большая часть рождений концентрировалась в молодых возрастах и средний возраст матери при рождении детей снижался. На следующем этапе, который четко обозначился в 1970-е гг., происходило движение в противоположном направлении: женщины во все большем числе стран отодвигали начало деторождения и материнство, которое на предыдущем этапе «молодело», а теперь, напротив, «старело».

В начале 1980-х гг. в России, пусть и с некоторым опозданием по отношению к европейским странам, также наметился переход к новому этапу изменений «расписания» рождения детей, имевший, по-видимому, ту же стихийную эволюционную природу, что и в Западной Европе. Однако тогда он не состоялся из-за воздействия на тайминговые изменения второго фактора – мер демографической политики, вводившихся с начала 1980-х годов. Эти меры имели своим следствием рост рождаемости, в том числе и в младших материнских возрастах, что особенно хорошо видно на примере поколения 1964 года рождения. Вклад рождений в возрасте до 25 лет в итоговую рождаемость этого поколения превысил 62% против 50% у поколения 1954 года. Когда же это поколение в конце 1980-х достигло 25-летнего возраста, оно уже значительной степени выполнило свой «план», что, несомненно, внесло вклад в падение КСР в 1990-е годы.

Таким образом, под влиянием мер политики 1980-х гг. российская кривая среднего возраста матери, которая начала было двигаться вверх, снова повернула вниз. Но если движение кривых для всех других стран вверх было неслучайным, то и у России не было другого пути, и эта «инверсия» могла быть только временной. Ведь все ключевые факторы образа жизни, влияющие на прокреативное поведение, – учеба, профессиональная карьера, условия формирования семьи и т.п. – в главных чертах у нас те же, что и в других развитых урбанизированных странах. Поэтому неудивительно, что российская кривая на графике снова поползла вверх, на этот раз, видимо, необратимо.

Наша гипотеза заключается в том, что повышение КСР в 2000-е гг. было результатом заранее запланированного семьями и женщинами переноса рождений в старшие возраста. Видимо, к тому моменту, когда появился «материнский капитал», процесс перестройки возрастной модели рождаемости уже набрал силу и в России. Поэтому младшие материнские возрастные группы на него и не отреагировали, а рождаемость в старших возрастах и без того входила в планы этих поколений, их планы и реализовались. Это повлияло как на снижение КСР в 1994–1998 гг., когда женщинам поколения 1974 года рождения было 20–24 года, так и на его повышение в 1999–2008 гг., когда им было 25–34 года, отсюда и рост показателя после 1999 года.

В любом случае, наиболее корректный измеритель рождаемости – итоговая рождаемость реальных женских поколений – не свидетельствует о росте рождаемости ни в результате первой пронаталистской кампании 1980-х гг., ни в результате второй – нынешней (рисунки 7). Правда, этот показатель и ранее не давал оснований для столь тревожных оценок, к каким приводил анализ КСР для условных поколений. Например, в 1999 г. КСР в России опустился до 1,16 – уровень, который можно считать катастрофическим. Но рассчитанная по данным 1999 г. итоговая рождаемость поколений 1965–1969 годов рождения, которые находились в этом году в возрасте от 30 до 34 лет, оценивалась в 1,58 ребенка на одну женщи-

ну, а основываясь на данных 2010 г., когда эти поколения достигли возраста 41–45 лет, эта оценка повысилась до 1,64⁵.

Конечно, и 1,64 – недостаточно высокий показатель, он далеко не обеспечивает даже простого возобновления поколений. Заметим, что для России – это не новая ситуация: не воспроизводили себя все женские поколения, начиная с родившихся после 1910 года. Хотя рождаемость у них была еще относительно высокой, при высокой детской смертности довоенных и первых послевоенных лет ее было недостаточно. В дальнейшем смертность снижалась, но снижалась и рождаемость, вернуться к уровню рождаемости поколений, обеспечивающему хотя бы их простое возобновление, так и не удалось. Это означало депопуляцию, но до определенного момента она существовала в латентном виде, маскировалась естественным приростом населения, который долгое время поддерживался, благодаря особенностям возрастной структуры российского населения. К началу 1990-х гг. возможности такой «маскировки» оказались исчерпанными.

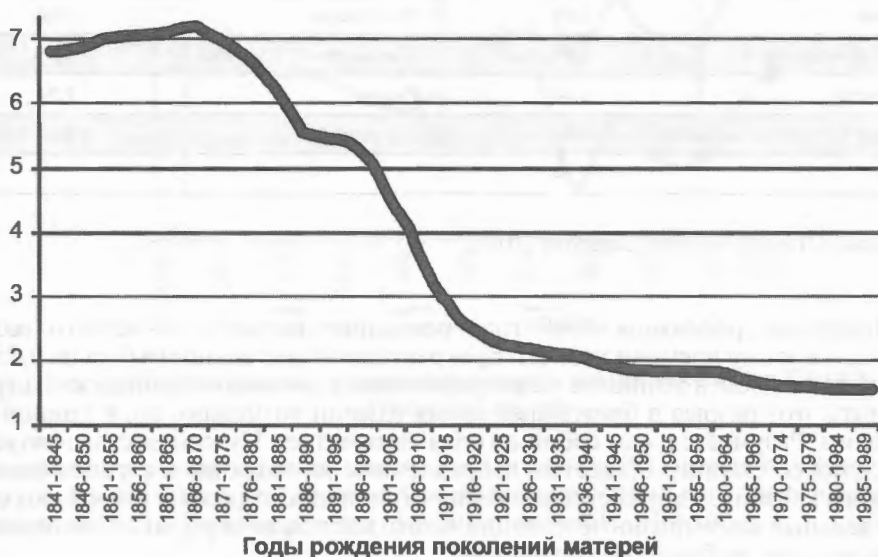

Рисунок 7. Среднее число детей, рожденных одной женщиной по поколениям

Источники: Расчеты С.В. Захарова (последние данные – за 2010 г.).

См.: [Демографическая модернизация России, 1900–2000, с. 473; Население России 2009, с. 118].

Пока рождаемость продолжает снижаться, правда, замедляющимися темпами, просматривается что-то, похожее на стабилизацию на уровне, близком к 1,6 ребенка на женщину. Хотя измеряемая таким образом рождаемость никогда не падала намного ниже этого уровня, все же поднять ее намного выше, учитывая инерционный характер подобных процессов и отрезок времени, на протяжении которого формируется прокреативный итог каждого поколения (не менее двух десятилетий), а значит, и его относительную независимость от конъюнктурных факторов, едва ли удастся.

⁵ Оценки С.В. Захарова. См. [Население России 2003–2004, с. 254; Население России 2009, с. 118].

Конечно, определенные резервы роста итоговой рождаемости женских поколений имеются: об этом говорит сравнение российских показателей с показателями других развитых стран, среди них Россия занимает одно из наиболее низких мест (таблица 6).

Таблица 6. Число рождений на 1 женщину поколения 1969 года к возрасту 40 лет в некоторых странах

Страна	Число рождений	Страна	Число рождений
Франция	1,94	Нидерланды	1,71
Словакия	1,93	Канада	1,70
Швеция	1,92	Словения	1,70
Чешская Республика	1,87	Болгария	1,67
Венгрия	1,87	Португалия	1,66
Великобритания	1,84	Швейцария	1,59
Финляндия	1,84	Россия	1,59
Эстония	1,81	Германия	1,45
Литва	1,74		

Источник: [Human Fertility Database 2011].

Поколение россиянок 1969 года рождения достигло 40-летнего возраста в 2009 г., и к этому времени итог его прокреативной деятельности был на 0,25–0,35 ребенка ниже, чем в наиболее демографически успешных европейских странах. Устранить этот разрыв в ближайшее время едва ли возможно, но, в принципе, он преодолим. Разумеется, сам собой он едва ли исчезнет. Нужны достаточно серьезные усилия со стороны общества, направленные на создание в стране общего социального климата, «дружественного» по отношению к детям и родителям с детьми. Отдельные же, вырванные из социального контекста меры типа «материнского капитала», едва ли будут эффективными.

В то же время следует иметь в виду, что «успешность» европейских стран – весьма относительна, рождаемость и в наиболее благополучных из них – ниже уровня простого замещения поколений. Соответственно, преодоление Россией отрыва от этих стран по уровню рождаемости (а на большее пока рассчитывать не приходится) не означает решения проблемы суженного воспроизводства населения России.

Смертность

Россия вступила в постсоветский период своей истории с очень низкой продолжительностью жизни. Это стало результатом кризиса смертности, который развивался в СССР с середины 1960-х гг. и, несомненно, был одной из наиболее характерных черт «эпохи застоя». На протяжении последнего двадцатилетия отставание России по продолжительности жизни от большинства развитых стран нарастало.

В период «перестройки», прежде всего, вероятно, в связи с антиалкогольной кампанией второй половины 1980-х гг., наблюдалось некоторое улучшение пока-

зателей смертности, именно тогда был достигнут исторический максимум ожидаемой продолжительности жизни советского периода. Для обоих полов он был зафиксирован в 1987 г. (70,13 лет), для мужчин – тоже в 1987 г. (64,83 года), для женщин – в 1989 г. (74,5 года) (рисунок 8). В 1990 г. все эти показатели были уже несколько ниже достигнутого максимума, на фоне провальных 1970-х и первой половины 1980-х они оставались относительно неплохими, но по мировым стандартам того времени являлись весьма низкими.

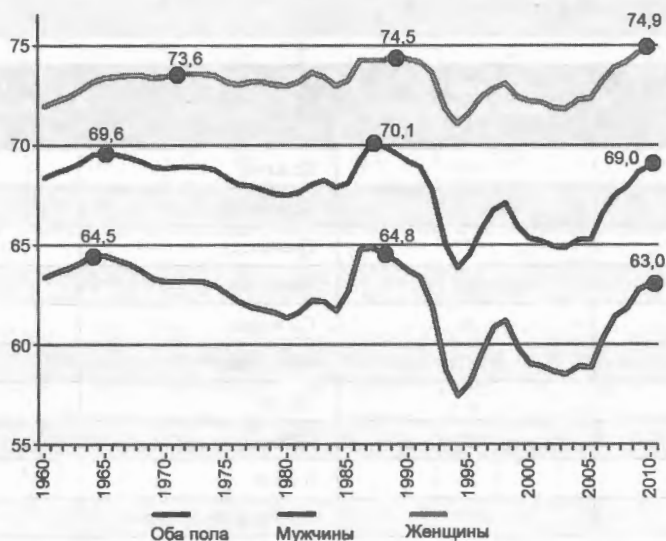

Рисунок 8. Ожидаемая продолжительность жизни населения России в 1960–2010 гг., лет

Источники: [Демографический ежегодник России 2001, с. 105; Демографический ежегодник России 2010, с. 101; Росстат. Предварительные итоги естественного движения населения за 2010 г. // www.gks.ru/free_doc/2010/demo/tab12-2010.xls].

К сожалению, не принесли больших изменений и последующие 20 лет. Борьба за снижение смертности велась с переменным успехом, за два десятилетия было отмечено два периода значительного подъема смертности – в первой половине 1990-х и в 1999–2003 годах. Некоторые скромные успехи принесли 2004–2011 гг., но говорить о больших достижениях не приходится. Несколько лучше дело обстоит у женщин, которым в 2009–2011 гг. удалось, наконец, немного превзойти прежний максимум ожидаемой продолжительности жизни, достигнутый в 1989 г. У мужчин же до сих пор не достигнут максимум 1987 г. и даже предыдущий максимум 1964–1965 годов. Вследствие этого не достигнут прежний российский исторический максимум и для обоих полов, зафиксированный в 1987 г. (рисунок 8).

Правда, в январе 2012 г. В.В. Путин заявил на заседании Президиума правительства, что в 2011 г. ожидаемая продолжительность жизни в России «увеличилась на полтора года и составила в среднем в Российской Федерации 70,3 года. Это показатель, абсолютно сопоставимый с европейскими»⁶.

⁶ РИА «Новости», 20 января 2012 г.

Учитывая огромную разницу в продолжительности жизни мужчин и женщин в России, а также значительное превышение числа женщин над числом мужчин, приведенный В.В. Путиным показатель для обоих полов явно приукрашивает ситуацию. Но даже и этот показатель при сопоставлении его с показателями для большинства развитых стран оказывается чрезвычайно низким (таблица 7).

Таблица 7. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении для обоих полов в некоторых странах, 2011 г., лет

Страна	Ожидаемая продолжительность жизни	Страна	Ожидаемая продолжительность жизни
Япония	84	Бельгия	80
Швейцария	83	Великобритания	80
Израиль	82	Греция	80
Исландия	82	Португалия	80
Испания	82	Словения	80
Италия	82	Финляндия	80
Франция	82	Дания	79
Швеция	82	США	79
Австрия	81	Канада	79
Германия	81	Чешская Республика	78
Ирландия	81	Польша	76
Нидерланды	81	Венгрия	75
Норвегия	81	Россия	70

Источники: [РИА «Новости» 20 января 2012; World Mortality 2011].

Именно сравнение России с другими развитыми странами говорит о том, что ситуация со смертностью в России близка к катастрофической. Россия заметно отставала от них и прежде, но в послевоенный период до середины 1960-х гг. разрыв сокращался. Со второй половины 1960-х гг. ситуация изменилась, разрыв стал быстро нарастать, и уже в 1990 г. был недопустимо велик, особенно у мужчин, у которых он нередко превышал 9–10 лет, хотя этот разрыв был достаточно большим и у женщин. Сегодня же отставание по ожидаемой продолжительности жизни достигло еще больших масштабов: у мужчин оно превышает 10–15 лет (таблица 8). Разрыв между Россией и многими европейскими и другими развитыми странами сейчас больший, чем был в начале XX в. между отсталой царской Россией и передовыми странами того времени.

Несмотря на отдельные успехи, в целом борьбу за снижение смертности в постсоветской России никак нельзя назвать успешной. Эта борьба, как уже отмечалось, не могла быть легкой: России досталось очень тяжелое наследие советского периода. Однако положение России в этом смысле не было уникальным. В той или иной степени негативные тенденции смертности в 1970–1980-е гг. были характерны для всех бывших социалистических государств Восточной Европы, равно как и для бывших европейских республик СССР. Правда, Россия выделялась

высокой смертностью даже и среди этих стран, но тенденции динамики смертности в 1970–1980-е гг. в них были общими: наблюдались стагнация или сокращение продолжительности жизни, что давало основание говорить об общих для всех этих стран кризисных тенденциях.

Таблица 8. **Нарастание отставания России от некоторых развитых стран по ожидаемой продолжительности жизни (лет)**

	1965	1990	2010	1965	1990	2010
От США	2,21	8,07	12,97	0,53	4,50	6,13
От Франции	2,89	9,03	15,07	1,41	6,66	9,93
От Швеции	7,15	11,08	15,77	2,78	6,10	7,93
От Японии	3,10	12,18	16,61	-0,47	7,61	11,52
От ЕС-15	3,42	9,22	14,27	0,62	5,36	8,03

Источники: [Eurostat // [http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&pcode=tps00025\\$](http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&pcode=tps00025$); Institut national de la statistique et des études économiques (INSEE): *statistiques de l'état civil et estimations de population* // http://www.insee.fr/fr/themes/tableau.asp?reg_id=0&ref_id=NATnon02229; Statistical Abstract of the United States, 2012, table 104; Statistical Handbook of Japan 2011, table 2.4; World Mortality 2011].

Однако примерно с конца 1980-х гг. общность тенденций стала исчезать, и в ряде восточноевропейских стран начался уверенный рост продолжительности жизни, что свидетельствовало о постепенном преодолении кризиса. России же никак не удалось справиться с негативными тенденциями предыдущих десятилетий (в сходном положении находились Украина и Белоруссия), отставание от восточноевропейских стран не просто сохранялось, оно стало нарастать. Итоги 20-летия в терминах прироста или сокращения продолжительности жизни представлены в *таблице 9*.

В то время, как в большинстве восточноевропейских стран продолжительность жизни и мужчин, и женщин за 20 лет заметно, а иногда и очень значительно выросла, в России удалось лишь чуть-чуть поднять продолжительность жизни женщин (на 0,4 года, тогда как в Эстонии, например, она увеличилась на 5 лет), у мужчин она даже сократилась.

Для большинства европейских стран характерно непрерывное ежегодное снижение смертности во всех возрастах, что и приносит год от года новый прирост продолжительности жизни. В России же: на протяжении последних 20 лет у мужчин в возрасте от 25 до 75, а у женщин в возрасте от 20 до 65 лет возрастные коэффициенты смертности не только не снижались, но во многих случаях росли, иногда на полтора-два, а иногда и на три процента ежегодно (*таблица 10*).

Из-за неспособности преодолеть затяжной кризис смертности Россия несет огромные людские потери. Россия и до 1990 г. заметно превосходила по уровню смертности страны и Западной, и Восточной Европы. Но если бы она смогла после 1990 г. обеспечить хотя бы те же средние темпы позитивных изменений, каких добились в этот период западноевропейские или даже восточноевропейские страны, то, если это и не позволило бы полностью наверстать накопившееся за 1960–1980-е гг. отставание, все же дало бы возможность сбереечь многие миллионы жизней.

Таблица 9. Изменения ожидаемой продолжительности жизни за 1990–2010 гг. в странах Восточной Европы

Страна	Прирост (убыль) ожидаемой продолжительности жизни, лет	
	Мужчины	Женщины
Белоруссия	-1,7	0,9
Болгария	2,0	2,3
Венгрия	4,9	4,1
Латвия	3,7	3,2
Литва	0,8	1,8
Польша	4,9	4,5
Россия	-0,8	0,4
Румыния*	3,0	4,1
Словакия	4,7	3,3
Украина	-0,3	0,6
Чешская Республика	6,1	4,6
Эстония	5,2	5,0

*1990–2008 гг.

Источник: Россия: см. [сноска к рисунку 8; Eurostat // <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&pcode=tps00025>].

Таблица 10. Среднегодовые темпы изменений возрастных коэффициентов смертности в России за 1991–2009 и в странах Западной и Восточной Европы⁷ в 1991–2008 гг., %

Возраст	Мужчины			Женщины		
	Россия	Западная Европа	Восточная Европа	Россия	Западная Европа	Восточная Европа
0	95,9	96,4	94,1	96,2	96,7	94,3
1–4	96,6	95,8	95,6	96,7	96,4	95,7
5–9	96,1	95,8	96,1	97,6	96,0	95,6
10–14	97,1	96,2	96,5	98,9	96,7	97,1
15–19	98,5	96,4	97,8	99,3	97,0	98,1
20–24	99,7	96,6	97,5	100,4	97,1	97,3

⁷ Усредненные данные для 10 западноевропейских (Австрия, Великобритания, Германия, Ирландия, Испания, Люксембург, Нидерланды, Финляндия, Франция, Швеция) и 8 восточноевропейских (Болгария, Эстония, Литва, Латвия, Словакия, Венгрия, Польша, Чешская Республика) стран.

25–29	101,5	96,5	97,5	102,4	• 97,1	97,3
30–34	102,3	96,5	97,1	103,1	97,2	97,0
35–39	101,4	96,9	97,3	102,3	97,7	97,0
40–44	101,0	97,5	97,7	101,2	98,2	97,8
45–49	100,7	98,1	98,3	100,6	98,6	98,2
50–54	100,9	98,3	98,6	100,7	98,8	98,8
55–59	100,8	97,9	98,7	100,5	98,5	98,7
60–64	101,1	97,5	98,6	100,3	98,1	98,4
65–69	100,0	97,3	98,4	99,1	97,5	97,5
70–74	100,4	97,5	98,6	99,6	97,6	97,7
75–79	99,7	97,6	98,1	99,4	97,5	97,6
80–84	99,7	98,0	98,5	99,7	98,0	98,3

Если предположить, что с 1991 г. по 2009 г. направление и темпы изменений возрастных уровней смертности в России были бы не такими, какими они оказались в действительности, а такими, какими они были в 1991–2008 гг., в среднем в 10 названных западноевропейских странах («западноевропейская модель») или в 8 восточноевропейских странах («восточноевропейская модель»), то можно рассчитать гипотетическое число смертей, которое должно было бы наблюдаться в России при фактической численности и половозрастной структуре ее населения.

Разницу между гипотетическим и фактическим числом смертей можно интерпретировать как «избыточные смерти» россиян, обусловленные неблагоприятными тенденциями смертности в России. Подчеркнем, что это избыточные смерти, полученные не при сравнении уровней смертности в России и передовых по уровню смертности странах, – в этом случае разница была бы намного большей. Предполагалась только зафиксированный в этих странах темп снижения возрастной смертности при реальной, весьма высокой исходной российской смертности начала 1990-х годов.

Общее число избыточных смертей за 19 лет (1991–2009 гг.) оценивается при сравнении с западноевропейской моделью в 12,4 млн, с восточноевропейской – в 11,4 млн. Это означает, что если бы этих смертей не было, то нынешнее население России насчитывало бы примерно на 11–12 млн чел. больше, чем имеется в действительности (напомним, что естественная убыль населения России за 1992–2010 гг. составила 13,2 млн чел.). 42% избыточных смертей в первом случае и 43% во втором приходится на взрослое население в возрасте от 20 до 60 лет, примерно треть всех потерь – мужчины этих возрастов. Результаты расчетов⁸ представлены в таблице 11.

Затянувшаяся неспособность России добиться достигнутого во многих странах снижения смертности и роста продолжительности жизни проявляется, прежде всего, в том, что не удается установить эффективный контроль над некоторыми ключевыми причинами смерти, хотя, как свидетельствует опыт обогнавших Россию стран, на современном этапе развития они вполне поддаются такому конт-

⁸ Расчет выполнен М. Жаксымбаевым.

ролю. Для того чтобы лучше понять «анатомию» нашего отставания, было выполнено сравнение структуры причин смерти мужчин и женщин в России с их структурой в двух крупных европейских странах с низкой смертностью – Франции и Германии [Вишневский, Васин 2011].

Таблица 11. Число избыточных смертей в России за 1991–2009 гг. по сравнению с западноевропейской и восточноевропейской моделью изменений смертности

Возраст, лет	Сравнение с западноевропейской моделью			Сравнение с восточноевропейской моделью		
	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола
<i>В тысячах человек</i>						
До 20	100	49	149	112	70	182
20–59	4044	1120	5164	3799	1131	4931
60 и старше	3426	3653	7078	2754	3516	6270
Всего	7570	4822	12392	6665	4717	11382
<i>В процентах к итогу</i>						
До 20	0,8	0,4	1,2	1,0	0,6	1,6
20–59	32,6	9,0	41,7	33,4	9,9	43,3
60 и старше	27,6	29,5	57,1	24,2	30,9	55,1
Всего	61,1	38,9	100,0	58,6	41,4	100,0

Для этого были построены 4 «диагностические таблицы», подобные *таблице 12*. Они относятся к так называемому «табличному» (основанному на таблицах смертности по причинам смерти) населению, которые описывают особенности смертности «в чистом виде», безотносительно к реальной возрастной структуре населения России, Франции или Германии, влияние возрастной структуры, таким образом, элиминировано. Ниже приведена одна из таких таблиц для того, чтобы пояснить принцип их построения. Обобщенные же результаты анализа всех четырех таблиц сведены в *таблицах 13–15*.

Цифра в правом нижнем углу таблицы означает, что по сравнению с Францией в России из каждых 100 000 мужских смертей в возрасте до 70 лет более 38 000 можно считать избыточными, во Франции они наступили бы уже после достижения 70 лет. Нижняя строка таблицы показывает вклад в эту избыточную смертность различных классов причин смерти.

В *таблице 13* объединены *итоговые строки* всех 4 таблиц. Из *таблицы 13* следует, что по сравнению как с Францией, так и с Германией в России из каждых 100 000 мужских смертей в возрасте до 70 лет более 38 000 можно считать преждевременными, в обеих странах они наступили бы уже после достижения 70 лет. Положение с женской смертностью явно лучше: число преждевременных смертей в возрасте до 70 лет не так велико, как у мужчин. Тем не менее, и у женщин 16–18 тыс. смертей в возрасте до 70 лет из каждых 100 000 смертей преждевременны с точки зрения стандартов, достигнутых во Франции или Германии.

Таблица 12. Табличные числа ($d_{xi}^R - d_{xi}^{Fr}$) преждевременных мужских смертей в возрасте до 70 лет в России (2008) по сравнению с Францией (2007), на 100 000 мужчин, умирающих во всех возрастах и от всех причин

Диагностическая таблица. Сравнение России с Францией.
105 причинно-возрастных групп

Возраст	Инфекционные и паразитарные заболевания	Новообразования	Болезни системы кровообращения	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Другие болезни	Внешние причины	Все причины
0	26	2	4	62	1	410	57	562
1-4	14	13	3	17	2	37	87	173
5-9	3	5	2	6	0	32	82	130
10-14	1	2	4	4	2	27	109	149
15-19	7	12	30	11	6	22	417	505
20-24	50	2	70	25	36	48	807	1038
25-29	206	9	231	77	131	130	1237	2020
30-34	314	27	489	148	246	226	1450	2901
35-39	270	41	712	185	286	191	1277	2962
40-44	224	45	1200	245	329	179	1355	3576
45-49	230	-39	1814	297	298	136	1301	4037
50-54	206	-176	2652	371	273	96	1267	4689
55-59	133	-131	3654	402	264	-35	1056	5342
60-64	62	-383	4547	376	233	-176	769	5428
65-69	-24	-882	5337	318	118	-476	444	4834
0-69	1722	-1453	20749	2544	2225	847	11715	38344

Обозначения

Более 1000	500-1000	300-500	100-300	50-100	Менее 50
Более 1000	500-1000	300-500	100-300	50-100	Менее 50

80% всех преждевременных мужских смертей, если сравнивать Россию с Германией, или 85% преждевременных смертей, если сравнивать ее с Францией, равно как и более трех четвертей преждевременных смертей у женщин по сравнению с обеими странами, обусловлены двумя классами причин смерти: болезнями системы кровообращения и внешними причинами. При этом в целом, конечно, первенствуют болезни системы кровообращения, но, как видно из *таблицы 12* и такой же, не приведенной здесь таблицы сравнения с Германией, у мужчин до достижения возраста 45 лет это не так: до этого возраста главный источник преждевременной российской мужской смертности – внешние причины смерти. В то же время и смертность от сердечно-сосудистых заболеваний у мужчин, начиная с возраста 35 лет, у женщин – с 40-45 лет слишком высока.

В *таблице 14* объединены *итоговые столбцы* четырех таблиц, и видно, как преждевременная смертность нарастает с возрастом, причем, по-разному у мужчин и у женщин. У мужчин нарастание начинается рано и идет постепенно. Число преждевременных смертей становится весьма значительным уже после достижения 20-летнего возраста, и к 50 годам доля преждевременных смертей приближается

к 50%. У женщин доля преждевременных смертей в молодых возрастах намного меньше, к 50 годам она составляет 30–35%, и основная масса преждевременных смертей отнесена к более поздним возрастам.

Таблица 13. Распределение преждевременных смертей в возрасте до 70 лет в России по сравнению с Францией и Германией по крупным классам причин смерти

Классы причин смерти	Мужчины		Женщины	
	Сравнение с Францией	Сравнение с Германией	Сравнение с Францией	Сравнение с Германией
<i>Тысяч человек</i>				
Инфекционные и паразитарные заболевания	1722	1800	428	428
Новообразования	–1453	229	863	390
Болезни системы кровообращения	20749	18092	10839	9649
Болезни органов дыхания	2544	2268	663	443
Болезни органов пищеварения	2225	1825	1557	1328
Другие болезни	847	1609	590	864
Внешние причины	11715	12735	2779	3171
Все причины	38344	38558	17719	16273
<i>В % к итогу</i>				
Инфекционные и паразитарные заболевания	4,5%	4,7%	2,4%	2,6%
Новообразования	–3,8%	0,6%	4,9%	2,4%
Болезни системы кровообращения	54,1%	46,9%	61,2%	59,3%
Болезни органов дыхания	6,6%	5,9%	3,7%	2,7%
Болезни органов пищеварения	5,8%	4,7%	8,8%	8,2%
Другие болезни	2,2%	4,2%	3,3%	5,3%
Внешние причины	30,6%	33,0%	15,7%	19,5%
Все причины	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Наконец, еще один важный элемент анализа диагностических таблиц связан с оценкой значимости «возрастно-причинных групп риска». В *таблице 12* разной штриховкой выделены наиболее важные возрастно-причинные группы в возрастах до 70 лет, сформированные для крупных классов причин смерти (в данном случае выделено 105 таких групп, при более детальном рассмотрении причин смерти их может быть намного больше). Штриховкой обозначены пять категорий превышения российскими показателями французских в зависимости от количества преждевременных смертей в расчете на 100 000 умирающих от всех причин: (1) более 1000 преждевременных смертей; (2) от 500 до 1000; (3) от 300 до 500; (4) от 100 до 300; (5) от 50 до 100. Все остальные группы – с числом преждевременных смертей менее 50, а также с отрицательным числом преждевременных смертей (когда число умирающих в России меньше, чем во Франции) – образуют шестую группу и оставлены незаштрихованными.

Таблица 15 представляет в обобщенном виде полученные результаты для 4 таблиц. Из нее ясно видно, что львиная доля всех преждевременных мужских смертей приходится на первую из выделенных нами категорий, где число избы-

точных смертей превышает 1000, но само число групп этой категории невелико – при сравнении и с Францией, и с Германией оно составляет 13 из 105 выделенных в четырех таблицах возрастно-причинных групп. Концентрация наименее благополучных показателей у женщин не столь велика, как у мужчин, но все же она существует. Более половины преждевременных смертей в группах, где число таких смертей превышает 500 на 100 000, сконцентрированы всего в 5 из 105 возрастно-причинных групп при сравнении с Францией или в 4 – при сравнении с Германией.

Таблица 14. Распределение преждевременных смертей в возрасте до 70 лет в России по сравнению с Францией и Германией по возрастным группам

Возраст	Тысяч человек				В % к итогу			
	Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
	Сравнение с Францией	Сравнение с Германией	Сравнение с Францией	Сравнение с Германией	Сравнение с Францией	Сравнение с Германией	Сравнение с Францией	Сравнение с Германией
0	562	561	468	423	1,5	1,5	2,6	2,6
1-4	173	177	132	136	0,5	0,5	0,7	0,8
5-9	130	121	83	91	0,3	0,3	0,5	0,6
10-14	149	151	80	74	0,4	0,4	0,5	0,5
15-19	505	525	217	214	1,3	1,4	1,2	1,3
20-24	1038	1139	290	298	2,7	3,0	1,6	1,8
25-29	2020	2155	543	571	5,3	5,6	3,1	3,5
30-34	2901	3031	760	782	7,6	7,9	4,3	4,8
35-39	2962	3133	869	920	7,7	8,1	4,9	5,7
40-44	3576	3746	1014	1080	9,3	9,7	5,7	6,6
45-49	4037	4293	1192	1217	10,5	11,1	6,7	7,5
50-54	4689	4980	1613	1568	12,2	12,9	9,1	9,6
55-59	5342	5491	2576	2346	13,9	14,2	14,5	14,4
60-64	5428	5045	3127	2600	14,2	13,1	17,6	16,0
65-69	4834	4010	4755	3953	12,6	10,4	26,8	24,3
0-69	38344	38558	17719	16273	100,0	100,0	100,0	100,0

Может быть, самый важный вывод из нашего анализа заключается в том, что, судя по таблице 15, главные элементы российского отставания не генерализованы, затрагивают далеко не все возраста и не все причины смерти. Напротив, они сконцентрированы, локализованы в достаточно ограниченных зонах наших диагностических таблиц, что само по себе со всей определенностью указывает, на чем должны быть сосредоточены приоритетные усилия, направленные на преодоление российского отставания по смертности.

Сравнение стандартизованных коэффициентов смертности в трех странах от трех главных классов причин смерти, на которые в России приходится свыше 80% всех смертей, наглядно показывает, где находятся главные резервы снижения

российской смертности, причем, мы видим, что, поскольку речь идет о болезнях системы кровообращения и внешних причинах, никакого прогресса за последние 20 лет не наблюдается (рисунки 9).

Таблица 15. Табличное число преждевременных смертей в возрасте до 70 лет в России по сравнению с Францией и Германией, на 100 000 чел., умирающих во всех возрастах и от всех причин по шести категориям групп риска

Категории по числу преждевременных смертей на 100000 смертей	Общее число преждевременных смертей по сравнению с		В % к итогу по сравнению с		Число возрастно-причинных групп по сравнению с		В % к итогу по сравнению с	
	Францией	Германией	Францией	Германией	Францией	Германией	Францией	Германией
Мужчины								
Свыше 1000	28147	26321	73,4	68,3	13	13	12,4	12,4
500–1000	2288	2926	6,0	7,6	3	4	2,9	3,8
300–500	3870	2660	10,1	6,9	10	7	9,5	6,7
100–300	5195	6402	13,5	16,6	25	30	23,8	28,6
50–100	643	855	1,7	2,2	9	12	8,6	11,4
Менее 50	–1794	–606	–4,7	–1,6	45	39	42,9	37,1
Всего	38349	38558	100,0	100,0	105	105	100,0	100,0
Женщины								
Свыше 1000	8568	7584	48,4	46,6	3	3	2,9	2,9
500–1000	1462	829	8,3	5,1	2	1	1,9	1,0
300–500	689	2106	3,9	12,9	2	6	1,9	5,7
100–300	4880	3543	27,5	21,8	25	18	23,8	17,1
50–100	1533	1895	8,7	11,6	23	28	21,9	26,7
Менее 50	587	316	3,3	1,9	50	49	47,6	46,7
Всего	17719	16273	100,0	100,0	105	105	100,0	100,0

Между тем, не будет большим преувеличением утверждать, что преодоление отставания России от Франции и Германии (а их модель смертности типична для большинства развитых стран) упирается именно в нашу неспособность справиться с этими двумя классами причин смерти: добиться значительного оттеснения смертности от сердечно-сосудистых заболеваний к более поздним возрастам и резко ограничить роль внешних причин смерти. Именно эти две задачи выйдут на первый план и должны решаться в первую очередь, даже если это потребует экстраординарных усилий со стороны российского общества и российского государства.

Эти усилия должны, конечно, учитывать специфику решения этих задач в России. Как следует из уже сказанного, российская особенность – не в том, что люди вообще умирают от сердечно-сосудистых заболеваний, а в том, что слишком многие умирают от них в молодых возрастах, причем, особенно это характерно для мужской части населения. Резкие отличия от западного стандарта у мужчин проявляются уже в возрасте 25–29 лет и потом стремительно нарастают.

Рисунок 9. Стандартизованный коэффициент смертности мужчин от трех главных классов причин смерти в России, Франции и Германии, на 1000 чел.

Источник: [European Health for all database 2011].

Стратегия борьбы со смертностью от болезней системы кровообращения вообще и борьбы с этой смертностью у молодых мужчин не может быть одинаковой. Во втором случае высокая смертность от сердечно-сосудистых заболеваний очень часто ассоциирована со злоупотреблением алкоголем и вообще гораздо теснее связана с образом жизни, чем когда речь идет о пожилых людях, у которых главный вклад в развитие болезней системы кровообращения вносят естественные возрастные изменения.

Соответственно, внутри общей стратегии противостояния смертности от болезней системы кровообращения должна быть выработана специальная стратегия борьбы с ранней смертностью от этой причины, и ввиду огромных потерь, в значительной степени предопределяющих отставание России по продолжительности жизни, именно она должна стать приоритетной. Главной составляющей этой стратегии должно быть не развитие высоких медицинских технологий, а профилактика, направленная на изменение образа жизни и на улучшение всего социального климата, от которого зависит благополучие и самочувствие наиболее активной части населения России.

Высокая смертность от внешних причин – вторая главная составляющая катастрофического российского отставания по продолжительности жизни. Потери, которые Россия несет от этой группы причин – от самоубийств, убийств, несчастных случаев, связанных с транспортом, отравлений и т.д., – ничуть не меньше, а в возрастах до 70 лет – неизмеримо больше, чем, скажем, потери от онкологических заболеваний (а у мужчин в возрасте до 45 лет они больше, чем от сердечно-сосудистых заболеваний), и в любом случае несравнимо больше, чем потери от внешних причин во Франции или Германии, да и в большинстве других стран. И то, и другое обстоятельство – прямое указание на то, что именно борьба с внешними причинами должна сейчас стать одним из главных приоритетов российской системы охраны здоровья, но именно этого-то как раз и не происходит.

Российское неблагополучие со смертностью нельзя объяснить какой-либо одной причиной, действует много неблагоприятных факторов, но все же нельзя не сказать об одной причине, в которой, как в зеркале, отражается отношение российского общества и российской власти к проблемам охраны здоровья и снижения смертности: вся деятельность в этой запущенной сфере российской жизни находится на голодном пайке. С 2000 г. по 2009 г. доля совокупных затрат на охрану здоровья из

всех источников повысилась с 3,7% до 6%, в 2010 г. снова снизилась (таблица 16). Но и 6% от ВВП в России с ее накопившимися проблемами в области охраны здоровья – ничтожная величина. Трудно найти страну, в которой приоритеты охраны здоровья и борьбы за снижение смертности стояли бы так низко и где бы это с такой очевидностью отражалось в расходовании национального продукта (таблица 17).

Таблица 16. Расходы на охрану здоровья в России, в % к ВВП

Год	Расходы из консолидированного бюджета, платные услуги и приобретение лекарств и медицинских товаров	В том числе расходы из консолидированного бюджета
2000	3,7	2,1
2001	3,8	2,0
2002	4,1	2,3
2003	4,0	2,1
2004	3,7	2,0
2005	5,2	3,5
2006	4,9	3,4
2007	5,5	3,9
2008	5,1	3,5
2009	6,0	4,0
2010	5,5	3,5

Источник: [Здравоохранение в России 2011].

Таблица 17. Доля совокупных расходов на охрану здоровья в ВВП в некоторых странах в 2009 г., %

Страна	%	Страна	%
США	17,4	Испания	9,5
Нидерланды	12,0	Словения	9,3
Франция	11,8	Финляндия	9,2
Германия	11,6	Словакия	9,1
Дания	11,5	Япония	8,5
Канада	11,4	Чешская Республика	8,2
Швейцария	11,4	Израиль	7,9
Австрия	11,0	Венгрия	7,4
Бельгия	10,9	Польша	7,4
Португалия	10,1	Эстония	7,0
Швеция	10,0	Корея	6,9
Великобритания	9,8	Мексика	6,4
Норвегия	9,6	Турция	6,1
Ирландия	9,5	Россия	6,0
Италия	9,5		

Источник: [OECD Health Data 2011].

Учитывая, что и сам ВВП в России в расчете на душу населения в абсолютном выражении не особенно высок, низкая доля затрат на здравоохранение в ВВП означает, что реально на охрану здоровья и борьбу за снижение смертности направляются совершенно недостаточные ресурсы. В 2010 г. в России затраты на охрану здоровья, включая затраты из консолидированного бюджета, платные медицинские услуги и расходы населения на приобретение фармацевтических, медицинских и ортопедических товаров, составили в расчете на душу населения 17,3 тыс. руб. [Здравоохранение в России 2011] (порядка \$800⁹). Достаточно сравнить эту величину с соответствующими затратами в странах с низкой смертностью (таблица 18), чтобы понять, что многолетнее недофинансирование сферы здравоохранения само по себе исключает возможность рывка, без которого догнать далеко ушедшие вперед страны невозможно.

Таблица 18. Душевые затраты на здравоохранение из всех источников в некоторых странах в абсолютном выражении, 2009 г., в долларах по паритету покупательной способности

Страна	\$ тыс	Страна	\$ тыс
США	7960	Италия	3137
Норвегия	5352	Испания	3067
Швейцария	5144	Новая Зеландия	2983
Нидерланды	4914	Япония	2878
Канада	4363	Словения	2579
Дания	4348	Португалия	2508
Австрия	4289	Израиль	2165
Германия	4218	Чешская Республика	2108
Франция	3978	Словакия	2084
Бельгия	3946	Корея	1879
Ирландия	3781	Венгрия	1511
Швеция	3722	Польша	1394
Исландия	3538	Эстония	1393
Великобритания	3487	Чили	1186
Австралия	3445	Мексика	918
Финляндия	3226	Турция	902

Источник: [OECD Health Data 2011].

⁹ «Исходя из ППС, ориентировочный курс нашей валюты на конец года – около 21,35 рубля за доллар» [Евстигнеев 2011].

Миграция

Как отмечалось выше, миграция в постсоветский период хотя и не позволила полностью компенсировать естественную убыль населения, накопившуюся с 1992 г., приобрела, тем не менее, необычную прежде для России роль важнейшего демографического ресурса. Россия пережила всплеск чистой миграции вскоре после распада СССР, в середине 1990-х гг., но этот всплеск давно уже окончился (таблица 19).

Таблица 19. Чистая миграция в Россию, 1980–2010, тыс. чел.

Год	Чистая миграция	Год	Чистая миграция	Год	Чистая миграция
1981	80	1991	136	2001	279
1982	130	1992	266	2002	231
1983	166	1993	526	2003	93
1984	226	1994	978	2004	99
1985	267	1995	654	2005	126
1986	296	1996	514	2006	154
1987	264	1997	514	2007	258
1988	252	1998	429	2008	257
1989	83	1999	270	2009	259
1990	275	2000	363	2010	158

Источники: [Демографический ежегодник России 2010, с. 402; База данных Росстата].

Сейчас чистая миграция в Россию находится на довольно низком для европейской страны уровне (таблица 20), несмотря на то, что в последнее время были приняты искусственные меры по повышению статистических показателей миграции.

До 2007 г. в статистику миграции попадали лица, приехавшие из-за границы и впервые получившие регистрацию по месту постоянного жительства, что позволяло интерпретировать их как влившихся в постоянно население России. Начиная с 2007 г., статистическая категория «мигрантов» была расширена за счет лиц, впервые получивших разрешение на *временное проживание* (согласно закону о правовом положении иностранных граждан, разрешение на временное проживание предполагает регистрацию по месту жительства на срок от 1 до 5 лет с возможностью многократного продления этого срока). В результате величина показателя чистой миграции в 2007 г. увеличилась до 258 тыс. чел. (вместо 155 тыс. в 2006 г.). Это существенно улучшило демографический баланс России, уменьшив общую убыль населения страны примерно на 100 тыс. человек. Но интерпретация временно проживающих в России иностранных граждан как части населения страны, вносящей вклад в решение ее демографических проблем, уже более спорна. В 2007–2009 гг. показатели чистой миграции держались на одном уровне – около 260 тыс. чел. в год, однако в 2010 г. резко упали – примерно до уровня 2006 года. В 2011 г. были внесены новые изменения в правила учета миграции – как отмечалось на сайте Росстата, «в соответствии с международными рекомендациями с 2011 г. в статистический учет долгосрочной миграции населения включе-

ны также лица, зарегистрированные по месту пребывания на срок 9 месяцев и более»¹⁰. Исчисляемый таким образом миграционный прирост в 2011 г. повысился до 320 тыс. чел. и с избытком перекрыл естественную убыль населения. Однако вопрос о том, свидетельствует ли подобная статистическая стратегия о действительном благополучии России или лишь создает успокоительные иллюзии, становится все более острым. В любом случае можно утверждать, что многие принципиальные вопросы учета даже регистрируемой миграции еще ждут своего решения. Не исключено, что придется ввести несколько разных учетных категорий, поскольку статистике приходится отвечать на разные вопросы, имеющие одинаково важное практическое значение¹¹.

Таблица 20. Чистая миграция в Россию и некоторые европейские страны в 2008 г., на 1000 жителей

Страна	На 1000 жителей	Страна	На 1000 жителей
Швейцария	12,7	Финляндия	2,9
Испания	10,0	Венгрия	2,8
Норвегия	9,4	Великобритания	2,6
Словения	9,1	Словакия	2,4
Италия	7,6	Россия	1,8
Швеция	6,0	Франция	1,2
Бельгия	5,9	Португалия	0,9
Мальта	5,9	Ирландия	0,8
Чешская Республика	5,4	Болгария	-0,1
Австрия	4,7	Эстония	-0,5
Кипр	4,5	Германия	-0,7
Исландия	3,6	Польша	-0,7
Дания	3,4	Латвия	-1,1
Нидерланды	3,2	Литва	-2,3

Источник: [Eurostat // <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tps00176&plugin=1>
<http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tps00177&plugin=1>].

Значительного вклада миграции в компенсацию естественной убыли населения на протяжении двух последних десятилетий отрицать нельзя, но при этом важно понимать специфику миграций этого периода, во многом неповторимую. Прежде всего, следует отметить неравномерное распределение миграции по этапам рассматриваемого периода. Из 6,8 млн чел., составивших миграционный прирост

¹⁰ Росстат. Социально-экономическое положение России. Январь-декабрь 2011 г. http://www.gks.ru/bgd/free/b12_00/IssWWW.exe/Stg/dk01/7-0.htm

¹¹ Возьмем, к примеру, вопрос о воинском призыве. Среди мигрантов обычно много молодых мужчин призывного возраста. Подлежит ли призыву человек, имеющий разрешение на временное пребывание в России? Видимо, нет. В чем же смысл (в данном случае для Министерства обороны) того, что по благополучной статистике он проходит как россиянин, занимает свое место в возрастной структуре, исходя из которой делаются расчеты призывных контингентов, и т.д.?

за 1990–2010 гг., 4,9 млн (72%) приходится на период 1990–2000 годов. Начиная с 2001 г., ежегодный миграционный прирост резко сократился.

Кроме того, миграции 1990-х гг., а в значительной мере и 2000-х, были по преимуществу «возвратными», по большей части имели характер репатриации, возвращения «соотечественников». Об этом можно, в частности, судить по их этническому составу, который учитывался до 2007 г. (таблица 21).

Таблица 21. Этнический состав миграционного прироста населения России в 1992–2007 гг., %

Этнический состав	%
Русские	65,1
Татары	5,4
Башкиры, марийцы, мордва, удмурты, чуваш	1,9
Другие народы России	2,0
Украинцы и белорусы	6,6
Азербайджанцы	2,3
Армяне	7,2
Другие народы	9,5

Источники: [Демографический ежегодник России 1996, таблица 7.8; Демографический ежегодник России 2001, таблица 7.9; Демографический ежегодник России 2008, таблица 7.11].

Таблица 22. Доля этносов Российской Федерации в миграционном приросте, %

Год	Народы и этнические группы РФ	в том числе русские
1991	133,2	112,2
1992	116,6	101,3
1993	86,1	75,7
1994	75,4	67,0
1995	72,6	63,4
1996	68,5	60,0
1997	69,8	61,6
1998	69,8	60,8
1999	67,3	57,2
2000	66,8	58,2
2001	89,0	76,5
2002	77,8	66,8
2003	83,7	67,3
2004	83,2	72,9
2005	62,8	56,1
2006	50,2	42,8
2007	36,8	30,3

Источники: [Демографический ежегодник России 1996, таблица 7.8; Демографический ежегодник России 2001, таблица 7.9; Демографический ежегодник России 2008, таблица 7.11].

Среди мигрантов, переехавших в Россию в 1990–2000-е гг., основную массу составляли выходцы из России или их потомки, и только со второй половины 2000-х гг. положение стало заметно меняться (таблица 22).

Примерно в это время власти России стали проявлять озабоченность привлечением в Россию «соотечественников», т.е., по сути, сохранением репатриационного тренда: в 2006 г. была провозглашена Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом. Однако большого успеха эта программа не имела, по видимому, вследствие того, что к этому времени мобильные ресурсы возвратной миграции были в значительной степени исчерпаны. Программой предполагалось принять за 2007–2009 гг. 200 тыс. чел., реально было принято немногим более 16 тыс. [Население России 2009 (2011), с. 262].

Несмотря на относительно небольшие по меркам многих стран объемы чистой миграции в Россию, в российском дискурсе о миграции широко распространено представление о России как о втором после США мировом центре притяжения мигрантов. Эти представления основываются на ошибочном толковании публикаций Отдела населения ООН. В данном случае не учитывается, что оценки ООН относятся к так называемому накопленному числу мигрантов (*migrant stock*), т.е. к общему числу людей, живущих не в той стране, в которой они родились. Поскольку (по данным переписи населения 2002 г.) в России проживало 12 млн уроженцев других государств, они и рассматриваются экспертами ООН как международные мигранты. Однако при этом специально оговаривается, что в случае бывшего Советского Союза речь идет о людях, которые были внутренними мигрантами и превратились в международных, никуда не выезжая, только в результате появления новых границ¹².

В основном, понимаемый таким образом массив мигрантов сложился в советское время: по оценке ООН, в 1990 г. в России он составлял 11,5 млн чел. [Trends in total migrant stock 2006, p. 3], что соответствовало данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. По этническому составу, согласно данным переписи, этот массив более чем на 50% состоял из этнических русских, а вместе с украинцами и белорусами, в основном уже обрусевшими, – почти на 89%. В первую десятку входили также армяне, евреи, татары, чеченцы, казахи, осетины и ингуши, на всех остальных оставалось лишь 1,5% [Народное хозяйство Российской Федерации 1992, с. 100]. По переписи населения 2002 г. число лиц, живущих в России, но родившихся за ее пределами, составляло 12 млн [Всероссийская перепись населения 2002], что и дало основание для новых оценок ООН. Рост по сравнению с 1990 г. был незначительным. И по-прежнему речь идет, в основном, о бывших гражданах СССР, родившихся за пределами РСФСР, в одной из союзных республик. Сюда входят, например, дети целинников, родившиеся в Казахстане, дети военнослужащих, служивших в разных республиках Союза, чеченцы, ингуши и представители других репрессированных народов, родившиеся в депортации в Казахстане и Средней Азии, и т.д. В то же время в «накопленное число мигрантов» не попадают люди, родившиеся в России, но выезжавшие из нее, жившие за ее пределами (те же военнослужащие, специалисты, ехавшие по назначению, и т.п.), а теперь вернувшиеся и действительно проходящие как мигранты.

Одним словом, 12 млн мигрантов, о которых говорится в обзорах ООН и основанных на них документах Всемирного Банка, и те мигранты, которые обеспечили миграционный прирост населения России в последние два десятилетия, – это разные множества, имеющие лишь частичное и, скорее всего, незначительное пересечение.

¹² «Между 1980 и 1990 годами, по оценкам, число международных мигрантов увеличивается на 56 млн, – с 99 до 155 миллионов. Однако 27 млн из этого приращения обусловлено переклассификацией лиц, которые переезжали в СССР до 1990 г. в качестве внутренних мигрантов и которые стали международными мигрантами в момент распада, никуда не перемещаясь в это время» [Trends in total migrant stock 2006, p. 1].

Кроме того, даже если сопоставлять страны по накопленному числу лиц, родившихся за рубежом, то надо сравнивать не абсолютные, а относительные числа. По абсолютному числу накопленного числа мигрантов (со сделанными выше оговорками) Россия действительно опережает все европейские страны, но если учесть численность ее населения, то ее место среди европейских стран оказывается достаточно скромным (таблица 23).

Таблица 23. Доля лиц, родившихся за рубежом, в населении европейских стран, 2008 г.

Страна	Доля, %	Страна	Доля, %
Люксембург	32,2	Нидерланды	10,9
Австрия	17,2	Норвегия	10,2
Эстония	16,4	Дания	8,8
Латвия	15,6	Россия	8,5
Ирландия	14,1	Португалия	7,4
Швеция	13,8	Италия	7,3
Испания	13,8	Мальта	6,7
Словения	12,0	Литва	6,6
Исландия	11,8	Финляндия	4,0
Германия	11,6	Чешская Республика	3,7
Греция	11,1	Польша	2,7
Франция	11,0	Словакия	0,9
Великобритания	11,0	Румыния	0,8

Источник: [Migrants in Europe, table 1.1, p. 25].

Конечно, помимо регистрируемых мигрантов в России имеется большое количество недокументированных («нелегальных») мигрантов, однако их число неизвестно, оценки колеблются в очень большом диапазоне.

Хотя эксперты оценивали число недокументированных мигрантов в начале 2000-х гг. в 3–5 млн чел.¹³, высокопоставленные чиновники называли гораздо более высокие цифры. Например, тогдашний руководитель межведомственной рабочей группы по вопросам совершенствования иммиграционного законодательства В.П. Иванов на парламентских слушаниях в Госдуме сообщил, что только в 2001 г. в Россию въехало из стран СНГ и других государств 15 млн человек¹⁴. Еще один характерный пример – заявление высокопоставленного чиновника МВД В. Попкова о том, что «ежегодно в России оседает 3–3,5 млн незаконных переселенцев. К 2010 году число нелегально проживающих в России лиц может возрасти до 19 млн человек»¹⁵. Даже президент России В.В. Путин в ноябре 2006 г. утверждал, что число нелегальных мигрантов может достигать 15 млн человек¹⁶.

¹³ См., напр.: [Население России 2006 (2007)].

¹⁴ ИТАР-ТАСС, 4 апреля 2002.

¹⁵ РИА «Новости», 11 сентября 2003.

¹⁶ В.В. Путин. Выступление на встрече с руководством партии «Единая Россия», 17 ноября 2006.

Все эти оценки выглядели крайне завышенными. Скажем, если принять оценку числа нелегально работающих в России мигрантов в 2005 г. в 10–15 млн чел., то при 69 млн чел., занятых тогда в российской экономике, это означало бы, что нелегальные мигранты составляли от 15 до 22% вовлеченной в экономику России рабочей силы, что представляется мало правдоподобным.

Постепенно пришло осознание чрезмерности даваемых оценок, и Федеральная миграционная служба стала их снижать. Еще в декабре 2006 г. глава ФМС К.О. Ромодановский в интервью «Комсомольской правде» сказал: «По нашим расчетам сейчас в России находятся 10,2 млн нелегальных мигрантов. Правда, наука с нами спорит и говорит, что у нас не может быть столько нелегалов»¹⁷. Буквально через несколько дней он заявил, что «в настоящее время в России около 5 миллионов нелегальных мигрантов, в то время как в 2005 году их было более 10 миллионов»¹⁸. Позднее представители ФМС несколько раз называли цифру 5–7 млн, хотя представители других ведомств продолжали говорить о 10 и более миллионах нелегалов¹⁹. В феврале 2009 г. заместитель директора ФМС А.Е. Кузнецов сообщил, что в России живут и трудятся нелегально 4 млн иностранцев и лиц без гражданства²⁰. А в апреле 2009 г., выступая на пресс-конференции, К.О. Ромодановский и вовсе заявил, что нелегальных мигрантов в России «тысячи, десятки тысяч чел., но это не миллионы. Массовой нелегалщины у нас нет»²¹.

Скорее всего, эта последняя оценка недокументированной миграции в России занижена, но сам диапазон приводившихся оценок свидетельствует об отсутствии достоверных оснований для того, чтобы судить об истинном числе недокументированных мигрантов.

Хотя все виды миграции важны и заметно влияют на экономическую и социальную обстановку в стране, на ситуацию на рынке труда и т.п., полноценное демографическое значение имеет только та часть миграционного притока, которая оседает в стране и пополняет ее постоянное население. Объемы такой миграции решающим образом зависят от политических установок в отношении общей численности населения России: допустимости ее сокращения, желательности стабилизации или роста. Подобные политические установки вырабатываются в процессе диалога власти и общества, предполагают достижение определенного общественного консенсуса и не могут обсуждаться в рамках чисто демографического анализа, которому посвящена эта статья. Мы можем представить лишь необходимые соображения, касающиеся возможного естественного прироста населения России, которые служат исходной базой при выработке миграционной стратегии страны, – миграционный ресурс может использоваться для частичной или полной компенсации естественной убыли населения (возможно и с избытком, если ставится задача роста населения), либо как дополнение к его положительному естественному приросту.

Как уже отмечалось, сохранение естественной убыли населения России – наиболее вероятный сценарий на ближайшие десятилетия. Вопрос лишь в масштабах этой убыли – они зависят от того, по какому сценарию пойдут изменения рождаемости и смертности. Оценки же желаемого миграционного прироста – величина, производная от этих масштабов.

Если исходить из желательности, как минимум, остановить сокращение численности населения России, то необходимо на протяжении всего рассматриваемо-

¹⁷ «Комсомольская правда», 29 декабря 2006.

¹⁸ Интерфакс, 5 января 2007.

¹⁹ 10–14 млн (главный санитарный врач России Г.Г. Онищенко: РИА «Новости», 24 марта 2008); более 10 млн (начальник Федеральной пограничной службы ФСБ В. Летуновский: Би-Би-Си, 9 сентября 2008).

²⁰ «Время новостей», 12 февраля 2009.

²¹ РИА «Новости», 8 апреля 2009.

го периода поддерживать соответствующие объемы компенсирующей естественную убыль миграции. Согласно прогнозу Росстата, естественная убыль за период до 2030 г. может составить в зависимости от динамики рождаемости и смертности от 5 до 19,5 млн человек. Прогнозируемая же Росстатом на этот период чистая миграция составляет от 4,5 до 11 млн человек. Таким образом, предполагается, что наряду со сценариями, обеспечивающими полную компенсацию естественной убыли миграцией, возможно, даже и с избытком, вследствие чего население страны стабилизируется, а, при определенных условиях и вырастет, весьма вероятны и такие сценарии, при которых такая компенсация окажется невозможной, и население России будет продолжать убывать (рисунок 10).

Согласно прогнозу Росстата, численность населения России может вырасти (до 148 млн чел. к концу 2030 г.) только по высокому варианту прогноза, по среднему оно сокращается до 139 млн, по низкому – до 127 млн. Во всех этих расчетах имеется в виду постоянная миграция, вносящая вклад в демографическую устойчивость России. Но пока не ясно, как с той неопределенной траектории, которой следует динамика миграционного прироста сейчас (к тому же с учетом упоминавшегося частого изменения статистических процедур), перейти на более устойчивую траекторию, предусматриваемую и прогнозами, и Концепцией демографической политики РФ, обеспечить миграционный прирост постоянного населения на уровне не менее 200 тыс. чел. ежегодно к 2016 г. и более 300 тыс. чел. к 2030 году.

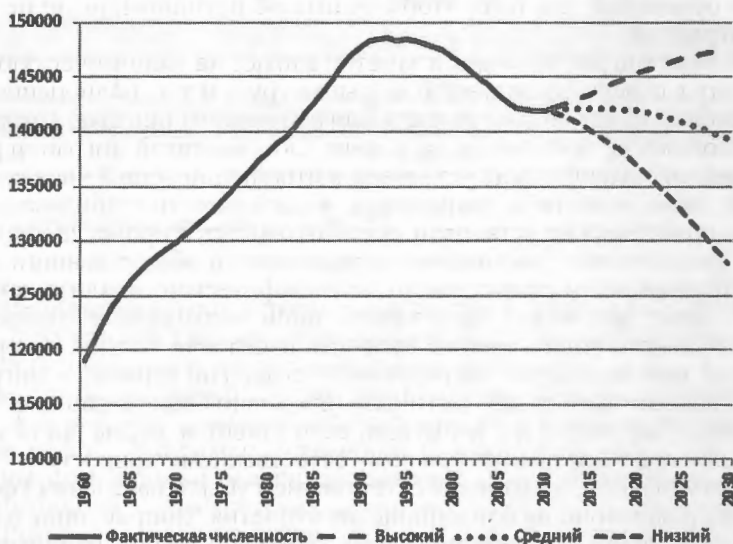

Рисунок 10. Изменения численности населения России – фактические и по трем вариантам прогноза Росстата, тыс. чел.

Источник: [Демографический ежегодник России 2009, таблицы 8.1, 8.2].

Демографический фактор – не единственный, который придает новый смысл массовому притоку мигрантов в Россию, не меньшее значение имеет и экономический фактор, и важно понять взаимосвязь между тем и другим.

Мы видели, что значительный приток мигрантов в Россию в последние два десятилетия, внесший заметный вклад в смягчение ее демографических проб-

лем, был обусловлен, прежде всего, процессами репатриации, резко активизировавшимися после распада СССР. Однако это, скорее, исключительная ситуация. Преобладающие в современном мире миграции – трудовые, они диктуются экономическими соображениями. Массовые потоки международной трудовой миграции – следствие разности потенциалов рынков труда отдающих и принимающих стран, демографический же эффект при всей его важности оказывается побочным. Без экономического механизма, как правило, невозможно привлечь достаточное количество мигрантов, даже если они нужны по демографическим соображениям.

Более того, демографические соображения – умозрительны, они не сразу осознаются, далеко не всеми принимаются и сами по себе едва ли могут реализоваться в активной миграционной политике. Экономические же соображения, напротив, очень конкретны, затрагивают очень большое число экономических агентов, проявляются с большой настоятельностью и прокладывают себе дорогу даже при большом сопротивлении противников иммиграции или эмиграции.

В конечном счете, демографические и экономические соображения, вообще говоря, имеющие разную природу, оказываются тесно связанными между собой. В частности, миграционный путь решения демографических проблем депопулирующих или близких к депопуляции стран в очень большой, если не в решающей степени становится возможным благодаря действию непреложных законов экономики.

Острота экономических требований может быть различной и не всегда совпадает с остротой демографических требований. Об этом наглядно свидетельствует динамика так называемого «демографического дивиденда» в России на протяжении двух последних десятилетий.

Несмотря на то, что, начиная с 1992 г., в России отмечается естественная убыль населения, ясно указывающая на остроту демографических проблем, изменения соотношений различных возрастных групп были благоприятными, выгодными с экономической, социальной или демографической точек зрения, что в определенном смысле смягчало остроту нарастающего кризиса или маскировало его. Это и означало получение «демографического дивиденда».

В частности, сокращение численности населения долгое время сопровождалось увеличением числа (а значит и доли) лиц в трудоспособном возрасте (мужчин от 16 до 60 и женщин от 16 до 55 лет): в 1993 г. оно не достигало 84 млн, в 2006 г. превысило 90 млн. Одновременно резко сократилось число детей до 16 лет – с 35,8 млн в 1992 г. до 22,7 млн в 2006. Число же лиц пенсионных возрастов почти не менялось, оставаясь на уровне 29–30 млн, и в 2006 г. было даже несколько меньше, чем в 2002 году. В результате непрерывно снижалась демографическая нагрузка на трудоспособное население: в 1993 г. она составляла 771 чел. в «иждивенческих» – до и после трудоспособного – возрастах на 1000 лиц в трудоспособном возрасте, тогда как в 2006 – всего 580 на 1000, столь низкой она не была никогда прежде. Разумеется, это не могло не сказаться благоприятно на потребности в социальных расходах государства: в той мере, в какой она зависит от демографических соотношений, она была минимальной. Заметим, что и в этих условиях ситуация на рынке труда не была идеальной, спрос превышал предложение и в значительной мере покрывался за счет легальной и нелегальной трудовой миграции.

Начиная со второй половины минувшего десятилетия, ситуация стала меняться в худшую сторону. В 2007 г. численность населения в трудоспособном возрасте впервые за длительный период сократилась. Эти сокращения быстро нарастают, причем, оно будет развиваться на фоне продолжающейся естественной убыли населения России. На это указывают все имеющиеся прогнозы. Даже при самом благоприятном развитии событий численность трудоспособного населения за ближайшее десятилетие (2012–2022 гг.) сократится почти на 8 млн чел., и только с 2025 г. начнет понемногу увеличиваться. При менее благополучном развитии событий сокращение до 2022 г. может достичь 9,6–11 млн чел. без последующего перехода к росту (таблица 24).

Таблица 24. Убыль населения в трудоспособном возрасте по трем вариантам прогноза Росстата, тыс. чел.

Год	Варианты прогноза		
	высокий	средний	низкий
2012	-811	-874	-955
2013	-920	-1001	-1097
2014	-905	-998	-1110
2015	-936	-1039	-1160
2016	-1006	-1118	-1242
2017	-907	-1022	-1150
2018	-881	-1003	-1137
2019	-675	-806	-944
2020	-496	-631	-775
2021	-452	-593	-739
2022	-398	-539	-691
2023	-297	-444	-600
2024	-90	-239	-400
2025	85	-70	-239
2026	103	-52	-223
2027	206	-15	-296
2028	212	-79	-428
2029	246	-77	-479
2030	183	-155	-579
2012–2022	-8386	-9623	-11002
2012–2030	-7737	-10754	-14246

Источник: [Демографический ежегодник России 2009, таблица 8.4].

Сильное «сжатие» предложения на рынке труда в ближайшие 10–15 лет неизбежно, и оно будет сопровождаться ростом экономической нагрузки на каждого трудоспособного. Сейчас на каждую 1000 лиц в трудоспособном возрасте приходится порядка 570 детей и пожилых, по низкому варианту прогноза это число увеличится на 159 чел., по среднему – на 213, по высокому – на 242 человек. Такое увеличение обернется огромным ростом социальных расходов и, со своей стороны, обострит экономическую ситуацию в стране.

Таким образом, демографические процессы будут подталкивать экономику к формированию растущего спроса на труд мигрантов, и, в конечном счете, именно рынок труда, «экономика» в широком смысле слова будет главным «промиграционным агентом», и противостоять его требованиям не смогут никакие политики. Демографические и экономические соображения будут требовать все большего притока мигрантов, и эта растущая потребность, соединяясь с миграционным давлением извне, со стороны бедных и перенаселенных стран, обусловит постоянный приток в страну выходцев из соседних, а, возможно, и из более отдаленных стран.

Вопросы, связанные с миграцией, будут неизбежным и приобретающим все большую важность пунктом повестки дня XXI в. в России. Это будет очень серьезный вызов для России, но это и шанс, который нельзя упустить. Пока мы находимся только на дальних подступах к пониманию миграционной проблемы во всей ее полноте, не говоря уже о ее решении.

***

В феврале 2012 г., выступая перед студентами Новосибирского университета, вице-премьер Дмитрий Рогозин заявил, что население России должно составлять 500 млн человек. Он полагает, что этого результата можно достичь с помощью повышения рождаемости. «Без детей не будет 500 млн населения России, которое нам позарез нужно», – цитирует слова Рогозина РИА «Новости»²².

Трудно представить себе что-нибудь более оторванное от действительности, чем это заявление. На его фоне меркнут даже приводившиеся выше утверждения Минздравсоцразвития о том, что «сокращение численности населения остановлено». К сожалению, законы демографии неумолимы. Свой шанс на «демографический взрыв», пусть и не такой большой, как хотелось бы Рогозину, Россия упустила в XX в. и не без помощи политиков, которые думали, что они стоят выше законов природы и общества, а, может быть, просто и не подозревали о существовании таковых. Невежество власти у нас всегда высоко ценилось. Не думаю, что Россия выиграет от того, что ко всем утопиям, которым она отдала дань в недавнем прошлом, добавится еще и утопия демографическая. Гораздо полезнее трезвый взгляд на наши весьма неприглядные демографические дела и, соответственно, трезвая демографическая политика, которая, как и любая политика, – не более чем искусство возможного.

Литература

- Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. (1998) Демографическая история России. М. База данных Демоскопа Weekly // http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_tfr.php
База данных Росстата // <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi>
База данных Росстата // <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography/#>
- Вишневский А.Г., Васин С.А. (2011) Причины смерти и приоритеты политики снижения смертности в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. № 4.
- Всероссийская перепись населения 2002 года. Т. 10. Население по месту рождения и месту проживания на территории Российской Федерации.
- Демографическая модернизация России, 1900–2000 (2006). М.
- Демографический ежегодник России 1996. М.: Росстат, 1996.
- Демографический ежегодник России 2000. М.: Росстат, 2001.
- Демографический ежегодник России 2008. М.: Росстат, 2008.
- Демографический ежегодник России 2009. М.: Росстат, 2009.
- Демографический ежегодник России 2010. М.: Росстат, 2010.
- Демографический прогноз до 2030 года // <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography/>

²² Росбалт, 9 февраля 2012 г. <http://www.rosbalt.ru/main/2012/02/09/943901.html>

- Евстигнеев В. (2011) Почему рубль стоит в 1,5 раза дешевле, чем должен бы // Forbes. 6 октября 2011 г.
- Захаров С.В. (2006) Демографический анализ эффекта мер семейной политики России в 1980-х гг. // SPERO. № 5.
- Здравоохранение в России. 2011. Статистический сборник. М.: Росстат.
- Народное хозяйство Российской Федерации (1992). М.: Госкомстат РФ.
- Население России 2003–2004. Ежегодный демографический доклад (2006). Под ред. А.Г. Вишневского. М.
- Население России 2006. Ежегодный демографический доклад (2007). Под ред. А.Г. Вишневского. М.
- Население России 2009. Ежегодный демографический доклад (2011). Под ред. А.Г. Вишневского. М.
- Население России за 100 лет (1897–1997). Статистический сборник (1998). М.: Росстат.
- Соботка Т., Лутц В. (2011) Коэффициент суммарной рождаемости дает политикам дезориентирующие сигналы: не следует ли отказаться от использования этого показателя? // Экономический журнал Высшей школы экономики. № 4.
- Уроки демографии (2010) // История одного комментария для газеты // <http://blog.minzdravsoc.ru/2010/01/uroki-demografii-istoriya-odnogo-kommentariya-dlya-gazety/#more-153>
- European Health for all database (2011). WHO. Updated: January 2011.
- Eurostat // <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/eurostat/home>.
- Human Fertility Database (2011). Max Planck Institute for Demographic Research (Germany) and Vienna Institute of Demography (Austria) // www.humanfertility.org (последнее изменение 28.10.2011).
- Institut national de la statistique et des études économiques (INSEE) // http://www.insee.fr/fr/themes/tableau.asp?reg_id=0&ref_id=NATnon02229
- Migrants in Europe (2011). A statistical portrait of the first and second generation. Eurostat.
- OECD Health Data 2011 // <http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=SHA>
- The 2012 Statistical Abstract. The National Data Book.
- Statistical Handbook of Japan 2011. Chapter 2. Population // <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/c02cont.htm>
- Trends in total migrant stock: The 2005 revision (2006) // UN Department of Economic and Social Affairs. Population Division. UN.
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2011).
- World Mortality 2011. United Nations publication ST/ESA/SER.A/308 // <http://www.un.org/esa/population/publications/wmchart2011/wmchart2011.pdf>